

Книга Таубеншлага насыщена фактическим материалом, приводит обширную библиографию (основная библиография дается в начале каждого раздела), и поэтому является полезным справочным пособием. Но порочность методологии автора не позволяет признать его книгу действительной историей греко-египетского права, которая еще ждет своего автора.

Б. И. Надэль

PIERRE WALTZ, La question d'Orient dans l'antiquité, Paris, Payot, 1942, стр. 368.

Автор рецензируемой книги Pierre Waltz прошел путь, обычный для многих буржуазных ученых. Его путь как ученого — типичное явление для удачливой загнивающей исторической науки Запада. Помимо изданных в разное время переводов античных писателей, он выпустил монографию о ремесленниках Греции в гомеровскую эпоху. Новизна собранного Вальцем материала и свежесть его выводов позволяли ожидать от ее автора новых успехов в области изучения истории античности. Но следующая его работа об Эгейском море, изданная в 1934 г., показала, что автор пошел по пути реакционного направления западной исторической науки, поставив свою исследовательскую работу на службу консервативных политических теорий. Последняя работа основана уже на антинаучных расистских взглядах, воспринятых автором не без влияния немецкой нацистской историографии. Это предопределило всю дальнейшую линию его развития, и рецензируемая книга о «восточном вопросе в античном мире» вполне отчетливо завершает ее.

Искусственно подбирать факты из истории античного мира и находить между ними и современными историческими событиями объективно несуществующие связи для подтверждения своих реакционных теорий стало в настоящее время излюбленным приемом буржуазных историков. Рецензируемый труд П. Вальца является типичным примером применения этого метода, хотя еще в работе об Эгейском море автор показал себя специалистом, тонко и умело творящим замаскированные остро-политические произведения под видом научных монографий.

Уже самое название последней книги П. Вальца — «Восточный вопрос в древности», является тенденциозным и обнаруживает политические стремления автора, содержание же целиком раскрывает истинные позиции Вальца.

Как заявляет сам автор в предисловии, его интерес к теме его новой книги вызван не военными событиями нашего времени. Гораздо раньше последней войны против германского фашизма и первой мировой войны 1914—1918 г., особенно же в ходе балканских войн 1912—1913 гг., Вальц был поражен «большим сходством», в условиях античного мира и нового времени, как, например, в столкновении Афин и Филиппа Македонского, с одной стороны, и «салоникским инцидентом» между Грецией и Болгарией — другой. При сопоставлении событий античной истории и современностью перед автором, как он заявляет, возник вопрос, не вызывались ли они одними и теми же причинами особенно географическими, которые, действуя, по мнению Вальца, одинаковым образом в различные времена, отдаленные друг от друга большими интервалами, время от времени вызывали в одних и тех же областях одинаковые потрясения. Желание рассмотреть эти условия, вызывавшие сходные, как кажется автору, события в самые различные эпохи, и послужило причиной появления в свет настоящей книги.

Несомненно, что уже самый подход автора к избранной им теме является порочным. Ярко бросается в глаза неправильная концепция автора, пытающегося свести причины крупных исторических событий к роли географического фактора. Географическая среда, как это блестяще показано в гениальном произведении И. В. Сталина, является одним из условий развития общества, которая «ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является определяющим влиянием... географическая среда не может служить главной причиной, определяющей

причиной общественного развития, ибо то, что остается почти неизменным в продолжении десятков тысяч лет, не может служить главной причиной того, что переживает коренные изменения в продолжении сотен лет»¹. Таким образом, географические причины не могут, как это думает автор, действовать одинаково в различные времена и вызывать одни и те же явления в одних и тех же географических областях. Так, как Вальц, может рассуждать лишь тот, кто стоит на позициях антинаучного своеобразного «географического фатализма».

Следует отметить, что этот метод вовсе не является новым в буржуазной историографии и еще в конце XIX века западные исследователи в своем безуспешном стремлении найти объяснение историческим событиям и дать общее построение истории древнего Востока, выдвинули на первое место политико-географический момент. В данном случае автор лишь воспользовался, и весьма неудачно, старым арсеналом буржуазной науки.

Еще более порочной является другая методологическая предпосылка автора, что в какой-либо степени сравнимы явления истории нового времени с явлениями истории античного мира. Такое предположение можно сделать лишь, исходя из метафизического, не исторического представления о процессе общественного развития, свойственного антинаучной методологии. Не считаясь с законами общественного развития, и вопреки им, автор модернизирует явления истории древнего мира, усматривает общие черты в событиях новейшей истории с событиями истории античного мира и позволяет себе делать недопустимые для историка сравнения и сопоставления, что неизбежно приводит к грубому искажению исторической действительности.

В своей работе автор избрал в качестве хронологической рамки 395 год, принимаемый им за конец античного мира. Он не ставит своей целью систематическое изложение исторических событий античного мира, он хочет лишь подобрать наиболее характерные моменты, которые могли бы служить канвой для исторических параллелей. Его задача—доказать, что одним из извечных и до сих пор не решенных вопросов истории человечества является так называемый «восточный вопрос». Приводя ряд примеров из истории войн XIX и XX веков, он заявляет, что все эти примеры «позволяют установить, что восточный «вопрос возник еще в античном мире, может быть, менее по воле людей, чем вследствие неотвратимого детерминизма. Возникали большие государства, расцветали блестящие цивилизации, сменяя друг друга в восточном бассейне Средиземного моря и особенно на берегах Эгейского моря; перед каждой из них, по мере того как расширялась сфера ее господства и возрастали силы, возникали одни и те же насущные потребности; чисто экономические потребности влекли за собой одно и то же стремление к территориальной экспансии: движение от внутренних областей к побережью, т. е. желание окружить своими владениями море, над которым требуется обеспечить господство» (стр. 15—16).

Порочным является основное положение П. Вальца о том, что «восточный вопрос» зародился еще в античном мире. На самом деле понятие, термин—«восточный вопрос» вовсе не существовал и не мог существовать в истории античного мира, он вырос и сложился только лишь в XIX веке, в период острой политической, экономической и военной борьбы капиталистических государств за обладание странами Востока, за раздел и передел богатейших восточных земель и является ярким и непосредственным отражением капиталистических противоречий, особенно в период империализма «когда закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»².

Начало «восточного вопроса» Вальц усматривает в очень раннюю эпоху. Он считает, что первой морской державой, господствовавшей на средиземноморском Востоке, был Крит, эта, по его мнению, первая *Mittelmeer-Macht*. Он утверждает, что первые столкновения в восточном бассейне Средиземноморья относятся к значительно более раннему времени, в котором он ищет первых схваток миграционных масс в районе Эгейского

¹ История ВКП(б), Краткий курс, 1946, стр. 113.

² Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, т. XIX, стр. 143. Изд. 1929 г.

моря. Как только области в этом районе стали заселяться, сама судьба этих народов приводила их к столкновениям в борьбе за лучшие места для поселений (стр. 21).

Первое проявление «экономической экспансии» автор усматривает на Кикладах, где минеральные ресурсы способствовали развитию керамического производства и вывозу его продукции в соседние области, а затем и подражанию этой продукции в этих районах. Но к началу бронзового века центр Эгейского бассейна переместился, и Кикладские острова превратились в мост как между Грецией и Малой Азией, так и между странами Севера и Критом. К последнему скоро переходит первенство в экономических связях. К 1750 г. до н. э. Крит основывает свои колонии в соседних государствах, его деятельность простирается на весь восточный бассейн Средиземноморья.

Во всех этих событиях, как видно всякому, не имеющих ничего общего с современными империалистическими войнами, П. Вальц усматривает уже проявление борьбы за разрешение «восточного вопроса» (стр. 28—31).

Поиски борьбы вокруг «восточного вопроса» автор продолжает и в последующих периодах истории древнего мира. Столкновения между талассократиями, «морскими державами», он считает следующим этапом этой борьбы. Как отмечает автор, господство Крита пало к 1450 г. под ударом ахейских переселений. Стремясь показать борьбу между этими двумя «морскими державами» глубокой древности, автор пускается в рассуждения по поводу истории континентальной Греции. В XVI в. до н. э. влияние Микен, превратившихся в важный экономический центр, сказывалось от Коринфского перешейка до мысов Малей и Тенара, от Эгейского моря до берегов Мессении и Элиды. В последующее время господство неоспоримо переходит к ахейцам. Они поддерживают отношения с Египтом, Вавилоном, государством хеттов, распространяют свою власть на все соседние острова азиатского побережья. Хеттские летописи, открытые в Богазкёе, показывают, как отмечает автор, что с XIV в. до н. э. местные поселенцы Киликии должны были сражаться против ахейцев, стремившихся обосноваться на их территории, что во второй половине XIII в. ахейцы высадились со ста кораблей в Ликии, откуда они были отеснены войсками царя хеттов Тудалия III.

В последующих главах автор излагает основные этапы истории народов Эгейского бассейна.

Успехи, достигнутые колонизацией к VII—V вв. до н. э., естественно, должны были привести греков к столкновениям с окружающими их народами. Истории этих столкновений, особенно греко-персидским войнам, посвящена третья глава книги (стр. 68—102). Против Греции, говорит автор, не было морской державы, которая могла бы с ней соперничать. Столкновение оказалось возможным, следовательно, лишь с сухопутной державой. Такой державой явилась Персия. Греко-персидские войны автор считает также одним из важнейших этапов в борьбе вокруг «восточного вопроса» в древнем мире. Правильно отмечая, что в руках афинян Делосский союз, основанный на равенстве всех греческих государств, бывших его членами, превратился в орудие господства Афин, автор впадает в модернизацию, говоря об «афинском империализме», выражавшемся в стремлении завоевать Египет и овладеть островом Кипр (стр. 93). Здесь мы снова видим стремление автора показать, что между войнами античного мира и войнами эпохи империализма нет существенного различия, что империалистические войны новейшего времени не вносят ничего принципиально нового в характер международных столкновений.

Кризис, началом которого были греко-персидские войны, казалось, разрешился в пользу Персии, установив ее господство в греческих городах Азии и дав ей возможность вмешательства во внутренние дела Греции. Относящуюся к этому периоду борьбу между Афинами и Спартой автор также относит к кругу «восточного вопроса», за морскую гегемонию в Эгейском бассейне. Борьбу между этими греческими центрами автор считает причиной их ослабления и последующего поражения в борьбе против Македонии (стр. 118—119).

Называя походы Александра Македонского апогеем борьбы за «восточный вопрос» в древности, автор считает его империю «эфемерным созданием», не оставившим никакого следа в истории (стр. 134—136). Он утверждает, что созданные Александром эллинистические монархии в Азии и Африке, должны были, на основе излюблен-

ного автором «детерминизма» (стр. 143), снова обратить свои интересы к районам Средиземноморья. «Если-бы, — утверждает автор, — этот режим (режим Александра Македонского. — Б. Г.) утвердился бы, «восточный вопрос» был бы разрешен на длительное время» (стр. 145). Но кратковременность царствования Александра не позволила ему вызвать к жизни прочное, длительное творение и создать полное слияние Запада и Востока.

Хотя это и не входит в основное содержание рецензируемой книги, тем не менее мы отметим, отбрасывая нелепое утверждение Вальца о том, что эллинизм мог бы «разрешить» восточный вопрос, что автор проявил недооценку культуры эллинистической эпохи, оказавшей такое глубокое влияние на все последующее развитие античного мира.

Следующий этап борьбы за решение «восточного вопроса» автор видит в римском завоевании, рассматриваемом им в 6-й и 7-й главах (стр. 171—249). Автор показывает, что вторая треть II в. до н. э. является поворотным пунктом в судьбах Ближнего Востока, когда центр столкновений все более перемещался на берега Черного моря. Судьба Востока была, оказывается, опять предрешена, на этот раз уже римскими завоеваниями.

В 8-й главе автор рассматривает организацию рах Ротана на Востоке, борьбу Антония, в которой финалом была битва при Аквиуме и победа Октавиана, который закончил «романизацию» (стр. 259) последнего эллинистического государства, номинально еще оставшегося свободным. Автор видит в этом завоевании один из важнейших этапов в борьбе за разрешение «восточного вопроса». Основными чертами этого этапа он считает борьбу за важнейший морской путь, пересекавший Эгейский бассейн и соединявший страны с богатейшими естественными богатствами, такие как Египет, южную часть «Скифии» и западную Азию (стр. 259—260).

Установление в Риме принципата и дальнейшее усиление императорской власти П. Вальц объясняет лишь непосредственным результатом победы Рима в борьбе за разрешение «восточного вопроса». Именно потому, что Октавиан понимал значение присоединенного к империи Востока, он и предпринял, по мнению автора, реорганизацию всего политического строя империи (стр. 260—261). Вообще во всей огромной перестройке государственной власти, имевшей такое большое значение в истории Римской империи, автор видит всего лишь «реформу» 27 г. в управлении провинциями. Но даже и эту «реформу» автор не понимает, что особенно видно из его утверждения, что в течение первых двух-трех веков нашей эры в административных и социальных условиях провинций не произошло никаких изменений (стр. 264). Автор, который рассматривает весь ход истории Рима и в этот период лишь как борьбу за разрешение «восточного вопроса», не видит, что создание Средиземноморской империи вызвало огромные сдвиги в экономике империи и особенно ее далеких провинций.

Девятая глава, являющаяся продолжением предыдущей об организации рах Ротана посвящена защите границ от варварских вторжений (стр. 287—326) и организации обороны империи. Наконец, последняя десятая глава книги посвящена варварским вторжениям и разделу империи (стр. 327—357), который автор считает событием, отделяющим историю античного мира от истории средневековья. Причину варварских вторжений автор видит только в перенаселении занимаемых ими территорий и стремлении занять более плодородные земли, получив, таким образом, лучшие условия существования.

Таким образом, автор на протяжении всей истории античного мира усматривает одни и те же причины непрекращающейся борьбы за господство в бассейне Эгейского моря. Перечисляя этапы этого пути, П. Вальц утверждает, что наиболее характерным для каждого из этих этапов является удар континентальной державы, стремящейся пробиться [к морю, против морской державы. Для того чтобы в оспариваемых районах возникла какая-нибудь определенная стабильность, по мнению Вальца, нужно было создать мощное государство, которое господствовало бы над азиатским побережьем, над европейским склоном Эгейского моря и над берегами проливов] Пропонтиды. Здесь мы уже видим откровенную проповедь исто-

рической необходимости «сильной руки» на Востоке, к чему так стремятся современные империалистические державы, и в результате чего только и возник, разбираемый автором, так называемый «восточный» вопрос. Сами географические условия, по мнению автора, привели к созданию «балканского вопроса» (стр. 361—362), который с такой силой проявился в новое время.

Как мы видим, этот вывод, подводящий итоги исследования, показывает полную несостоятельность его автора. Перед нами не научный труд по истории древнего мира, а политическое произведение буржуазного ученого, в котором примеры из древней истории служат лишь маскировкой для обоснования закономерности, неизбежности и целесообразности современной восточной экспансионистской политики империалистических держав англо-саксонского блока. Эта книга весьма показательна для установления той роли, которую играют современные модернизаторы древней истории.

Б. Т. Горянов

HELENE VON ZEISSL, Äthiopen und Assyrer in Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen «Spätzeit», «Ägyptologische Forschungen», herausgegeben von Alexander Scharff, Heft 14, Glückstadt und Hamburg, Verlag J. J. Augustin, 1944, 92 стр.

Значительное количество письменных и вещественных памятников, относящихся к истории Нубии, рассеянных по музеям мира и опубликованных иногда в редких и трудно доступных изданиях, заставляют с особым вниманием относиться к каждой книге, посвященной столь мало изученному прошлому этой страны.

Небольшая монография начинающего австрийского египтолога Елены фон Цейссл «Эфиопы и ассирийцы в Египте» является ее докторской диссертацией, представленной в Венский университет, и оказывается, таким образом, первой пробой творческих сил автора. Это обстоятельство дает нам возможность судить не только о высказанных молодым автором взглядах в области малоизученных еще вопросов древней истории, но и о характере университетской подготовки, получаемой молодыми специалистами капиталистических стран. Включение работы Цейссл в серию «Ägyptologische Forschungen» свидетельствует о том, что она получила признание зарубежной науки.

Справедливо подчеркивая в кратком предисловии недостаточную изученность так называемой «эпохи упадка» Египта, несмотря на ее важность для выяснения общего хода исторического развития этой страны, автор заявляет о своем стремлении представить в кратких чертах «изображение времени эфиопов и ассирийцев», тем более, что «этот период египетской истории никогда обособленно и замкнуто не рассматривался». Таким образом, работа фон Цейссл является как бы естественным продолжением книги шведского египтолога Т. С е в е-С е д е р б е р г а «Египет и Нубия», где история взаимоотношений обеих стран доведена до конца Нового царства¹.

Однако намеченная в предисловии программа осталась в действительности далеко не осуществленной. Более или менее подробно рассмотрены в ней только отдельные вопросы—прежде всего хронология и источники; правовые отношения, религия, искусство освещены очень бегло и односторонне, и притом только на основании чужих трудов и мнений, а многие из проблем, в том числе и такие, как проблемы экономики, социальных отношений, внутренней политики, остались вовсе не затронутыми.

«Введение», которым начинается настоящая монография, представляет беглый обзор внешнеполитических событий от конца XIX династии до гибели Бокхориса, составленный на основании общих и некоторых специальных трудов. Здесь вызывает возражение безоговорочное утверждение, что «Нубия полностью переняла египетскую цивилизацию» (стр. 9). Это верно лишь в отношении господствующих слоев Напатского царства, да и то с оговорками. И данные археологии и памятники искусства неопровержимо свидетельствуют о существовании туземной самобытной культуры, приведшей в сочетании с египетским влиянием к возникновению своеобразных храмов и рельефов Напаты, а впоследствии и Мероэ. Кроме того, массы местного населения,

¹ См. рецензию на эту книгу в ВДИ, 1948, № 1, стр. 130—133.